

2.7. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНСТРУКЦИОНИЗМ

Социальный конструкционизм (social constructionism) — направление в социальных науках, признающее первостепенную роль дискурса и отношений между людьми в конструировании ими мира и собственного Я, необходимость отказа от представления о всеобщих абсолютных истинах, эталонах поведения и психологических процессах, рассматривающее последние в привязке к культуре и истории конкретных сообществ, призывающее к многоголосию и взаимообогащению различных дискурсов (языков и способов интерпретации мира), демократизации и социальному преобразованию сознания людей.

Родоначальниками этого направления являются К. Герген (Джерджен), Р. Харре, Дж. Шоттер. Родственными этому направлению выступают: дискурсивная психология Дж. Поттера и М. Уэзерелл, нарративная психология Т. Сарбина и позднего Дж. Брунера, теория диалогического Я Г. Херманса. Помимо идей постмодернизма и постструктурализма сторонники данного направления опираются на нарратологию, герменевтику, философию диалога, теорию речевых актов, литературоведение (идеи Ф. Ницше, Л. Витгенштейна, М. Фуко, М.М. Бахтина и др.). Социальный конструкционизм возник в рамках социальной психологии в конце 70-х гг. XX в.

«**Парадигма конструктивизма**». Иногда социальный конструкционизм объединяют вместе с конструктивизмом и радикальным конструктивизмом под одним названием «парадигма конструктивизма», или «конструктивистская эпистемология». Несмотря на допустимость такого объединения при сопоставлении парадигм социальных наук (позитивизм, постпозитивизм, конструктивизм и др.), следует отличать эти три направления при обсуждении более узких вопросов (Улановский, 2009).

Конструктивизм — это разнородная группа теорий, созданных в психологии, социологии, философии, подчеркивающих идею не-отражательной, конструктивной природы познания, языковую и культурно-историческую обусловленность сознания, опосредованность познания и понимания мира индивидуальными конструктами, формируемыми в онтогенезе, идею конструктивного альтернативизма (множества способов концептуализации событий) и плюрализма истины. К данному направлению относят: генетическую эпистемоло-

гию Ж. Пиаже, личностный конструктивизм Дж. Келли, теорию категоризации Дж. Брунера, феноменологическую социологию знания П. Бергера и Т. Лукмана, теорию социальных систем Н. Лумана. В качестве теорий, близких конструктивизму и в некотором роде предвосхитивших его, называют феноменологическую социологию А. Шюца, символический интеракционизм Дж. Мида, а также культурно-историческую психологию Л.С. Выготского. Данное направление появилось и получило свое развитие в 50—60-е гг. XX в. преимущественно в психологии и социологии.

Радикальный конструктивизм — это эпистемологическая позиция, основанная на идеях конструирования воспринимаемого мира живой системой, информационной замкнутости и самореферентности когнитивных систем (способности к самоописанию и замкнутости на самих себе), принципе пригодности и жизнеспособности знания, неотделимости наблюдателя от наблюдаемого, идее автопоэза (способности системы к производству и поддержанию своего порядка благодаря собственной активности). Данную группу теорий образуют: коммуникационный конструктивизм П. Ватцлавика, радикальный конструктивизм Э. фон Глазерсфельда, эпистемология замкнутости Х. фон Ферстера, теория автопоэтических структур У. Матураны и Ф. Варелы, нейробиологический конструктивизм Г. Рота. В обосновании своей позиции сторонники радикального конструктивизма обращаются не только к психологии и антропологии, но и к таким современным теориям и дисциплинам, как кибернетика, нейробиология, теориям коммуникации, теориям систем и самоорганизации (идеи Н. Винера, Р. Эшби, Г. Бейтсона и др.). Время рождения этого направления приходится примерно на середину 70-х гг. XX в.

Социальный конструкционизм находится в оппозиции к традиционной для западной философии и когнитивной науки трактовке знания как продукта восприятия и рационального мышления познающего субъекта. Именно в этом месте социальные конструкционисты расходятся с представителями конструктивизма и радикального конструктивизма. Мы конструируем мир не индивидуально в своем сознании, а совместно — в разговоре, соглашениях, социальных практиках. Отмечая ценность конструктивистских теорий, социальные конструкционисты критикуют их вместе с другими подходами в психологии за акцентирование роли индивидуального познающего субъекта и индивидуальных конструктов в построении образа мира (а не сообщества и дискурса); некритичное принятие как само собой разумеющегося существования различных психических структур;

признание превосходства одних «конструкций» реальности над другими (Gergen, 1994).

С точки зрения социального конструкционизма, все, что мы считаем существующим, реальным, ценным, красивым, правильным, достойным для научного или духовного постижения, — конструируется посредством языка в отношениях с другими людьми. Различные конструкции мира тесно связаны с внутригрупповым согласием в различных сообществах (этнических, профессиональных, научных, религиозных) по поводу того, что существует и что ценно. Таким образом, ключевыми для социального конструкционизма становятся понятия *сообщества, отношений между людьми, социальных конвенций, языка, дискурса, нарратива, диалога, социальных практик*.

Социально-конструкционистские исследования, по словам К. Гергена, обращены к пониманию способов производства того, что мы считаем объективным знанием, изучению литературных и риторических приемов обоснования, освещению идеологической и ценностной нагруженности того, что считается само собой разумеющимся, определению исторических корней различных форм понимания, исследованию диапазона изменчивости человеческих смыслов в разных культурах (Джерджен, 2003). Подобного рода исследования относят к группе *качественных исследований* — современной быстро развивающейся области методологии психологии и социальных наук. Социальный конструкционизм подвергает ревизии основные понятия эпистемологии и философии социальных наук: *знание, реальность, сущность, истина, объективность*.

Знание. Социальные конструкционисты критикуют позицию *репрезентационизма*, в соответствии с которой наши знания являются формой репрезентации некоторой независимой от нас объективной реальности. Основания наших знаний следует искать не в «объективном мире», а в языке, культуре, социальных отношениях, нормах и конвенциях, принятых в конкретном сообществе. Именно в этом смысле можно говорить о *конструировании* реальности: мы создаем различные конвенциональные социальные реальности, которые руководят нашим поведением, формируют нашу идентичность и на которых стоят все институты нашей общественной жизни — брак, мораль, закон и т.д. Все это предполагает взгляд на знание как на *интерпретацию* — исторически обусловленную, а не безвременную, контекстуально верифицируемую, а не универсально валидную, лингвистически порожденную и социально-конвенциональную, а не просто когнитивно произведенную (Raskin, 2002).

Истина. В соответствии с позицией социального конструкционизма истина принципиально множественна, альтернативна, культурно-исторически локальна, контекстуальна и ситуативна. Это означает, что не существует всеобщих, универсальных «истин» вне отношения к позиции наблюдателя, социальным соглашениям и культурно-историческому контексту. В этом отношении социальный конструкционизм противопоставляет *фундаментализму* и *абсолютизму* в эпистемологии — позиции, в соответствии с которой мы можем обладать конечными, фундаментальными основаниями для наших знаний о социальном и психологическом мире (набором неких универсальных, объективных «истин»). Социальный конструкционизм умеряет свои претензии на безграничную всеобщность, истину вне культуры и истории, факт без интерпретации (Джерджен, 2003). Истина или любое соглашение о том, что является валидным знанием, возникает из отношений между членами определенного заинтересованного сообщества. Социальный конструкционизм исходит из идеи плюрализма истины и множественности возможных интерпретаций, способов поведения и образа жизни.

Объективность. Социальный конструкционизм отвергает понятие «объективного» знания. Наши знания не являются безразличными, аполитичными, лишенными идеологических и ценностных измерений. Не может быть знания вне определенной перспективы рассмотрения объекта познания. Никто не может претендовать на позицию, которую Х. Патнэм называет «видением мира глазом Бога», а Т. Нэйджел называет «взглядом из ниоткуда» — взглядом независимого наблюдателя, лишенного какой-либо точки отсчета и рассмотрения, истинно объективным видением мира. Как пишут И. Линкольн и И. Губа: «Мы убеждены, что объективность является химерой: мифологическим созданием, никогда не существовавшим и сохраняющимся в воображении тех, кто верит, что знание может быть отделенным от познающего» (Lincoln, Guba, 2000. P. 181).

Структура и сущность. Социальный конструкционизм критикует позицию *эссенциализма* — представление о том, что наблюдаемые нами вещи, события или люди обладают какой-то особой внутренней «сутью», или «сущностью» (эссенцией). Он показывает, в частности, слабые места позиции психологического эссенциализма — представления о том, что за тем или иным психологическим понятием, оправданным с точки зрения некоторой теории, эмпирических данных или практической деятельности, должна стоять какая-то особая «психологическая реальность», «структура», «процесс» или «механизм». Сто-

ронники этого направления демонстрируют несостоятельность представления классической философии и многих современных психологических теорий о «внутреннем», «глубинном», «подлинном» Я, присущем каждому человеку. Вместо этого они говорят о множественности Я, образующих в человеке сложную многоголосую структуру, имеющую нарративную и дискурсивную природу, формирующуюся в общении с другими людьми; о Я, сменяющих друг друга во времени в зависимости от социальных контекстов общения. В целом, с позиций социального конструкционизма, многие психологические понятия определяются господствующими метафорами, нарративными культурными конвенциями и могут быть переопределены на языке социального взаимодействия и координации, символически опосредованного взаимодействия между людьми (Gergen, 1994; Harre, 1989).

Язык. Социальный конструкционизм критикует концепцию языка, развитую в логическом позитивизме и логическом атомизме (Карнап, Куайн, Рассел и др.), в которой значения слов и предложений объясняются на основании их отношения к вещам и положениям дел (взгляд на язык как на систему десигнатов). К. Герген называет такую концепцию языка *изобразительной*, в силу того, что язык понимается в ней лишь как средство изображения, репрезентации, обозначения реальности, или *корреспондентной*, так как язык трактуется как средство перевозки, переноса истины (Gergen, 1994). Ей противопоставляется тезис о немиметичности (неподражательности) языка, акцентирующий перформативную, преобразующую, метафорическую функции языка. Как отмечает Дж. Поттер, мир конституируется тем или иным образом в зависимости от того, как люди говорят о нем, пишут или доказывают его (Potter, 1996). В рамках дискурсивной психологии и социального конструкционизма *разговору и письму* уделяется центральное внимание как основополагающей форме конструирования чего-либо.

Критерий «хорошего» знания. Социальный конструкционизм отдает предпочтение практической ценности языка. Опираясь на философию языка Л. Витгенштейна, К. Герген говорит о своеобразном *неопрагматизме*: «Те или иные описания личности принимаются не потому, что они “истинны”, а скорее потому, что как осмысленные интерпретации они предлагают значимые варианты деятельности» (Джерджен, 2003. С. 59). С этой точки зрения, спрашивать нужно не о том, правильно ли или нет мы изображаем реальность, соответствуют ли ей данный способ использования слов (терминов, высказываний), а о том, что мы выигрываем от такого их использования. Социальный

конструкционизм подталкивает к вопросу: что мы *выигрываем* или теряем от нашего способа жизни, который следует из того или иного взгляда? (Gergen, 1994). К. Герген предлагает ученым рассматривать социальную полезность своих теорий и создавать концепции, преследующие конкретные социальные цели.

Проблема жанра письма. В социальных науках по сложившейся исторически традиции «говорить научно» — значит говорить авторитетным, дистанцированным, нейтральным, безличным голосом. Социальные конструкционисты призывают к отказу от этой традиции. Наши «объективные отчеты», как доказывают они, уже содержат нас как исследователей: нашу перспективу рассмотрения, наш язык и дискурс, нашу социальную, культурную, национальную, расовую и половую принадлежность. Социальные конструкционисты считают необходимым делать научные тексты более *личностными и рефлексивными*. Это предполагает, например, использование личного местоимения «я» при написании и возможность включения собственных субъективных переживаний в обсуждении исследуемого феномена. Предпринимаются попытки привлечения новых жанров письма: диалогического, поливокального, автобиографического, беллетристического и даже поэтического — чтобы расширить способы легитимного выражения того или иного содержания (Richardson, 2000). Эти жанры письма допускают использование эмоционально-нагруженной, выразительной речи, повседневного дискурса, метафор и ориентированы на широкую аудиторию.

Литература

- Джерджен К. Дж. Социальный конструкционизм: знание и практика. Минск: БГУ, 2003.
- Филлипс Л., Йоргенсен М. В. Дискурс-анализ. Теория и метод. Харьков: Гуманитарный центр, 2004.
- Улановский А. М. Конструктивизм, радикальный конструктивизм, социальный конструкционизм: мир как интерпретация // Вопросы психологии. № 2. 2009. С. 35—45.
- Burr V. Social Constructionism. London: Psychology Press, 2003.
- Gergen K. J. Realities and relationships: soundings in social construction. Cambridge (MA): Harvard University Press, 1994.
- Harre R. Metaphysics and methodology: Some prescriptions for social psychological research // European journal of social psychology. № 5. 1989. V. 19. P. 439—453.

Lincoln Y.S. Guba E.G. Paradigmatic controversies, contradictions, and emerging confluences // The handbook of qualitative research. 2 ed. / Denzin N.K., Lincoln Y.S. (Eds.). Thousand Oaks (CA): Sage, 2000. P. 163—188.

Potter J. Representing reality: Discourse, rhetoric and social construction. London: Sage, 1996.

Raskin J.D. Constructivism in psychology: Personal construct psychology, radical constructivism, and social constructionism // Amer. Communication Journal. Iss. 3. 2002. V. 5. P. 7—24.

Richardson L. Writing: A method of inquiry // The handbook of qualitative research. Second edition / N.K. Denzin, Y.S. Lincoln (Eds.). Thousand Oaks (CA): Sage. 2000. P. 923—948.

РАЗДЕЛ 3. КУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ: ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

3.1. ПРИКЛАДНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ

Исследование соотношения двух уровней культурологического знания — фундаментального и прикладного, а вместе с тем уточнение в контексте этой методологической задачи понятийного пласта, образующегося вокруг культурной политики как фактора динамики социокультурных процессов, сегодня выдвигается в число приоритетных тем социально-гуманитарного знания. Однако преобладание работ, построенных на описаниях, в лучшем случае — на обобщении опыта региональных и локальных практик (работ, несомненно, позитивных в смысле их «надстроенности» над обыденными рассуждениями по поводу наличия/отсутствия культурной политики), не в полной мере соответствует реальной потребности в аналитических исследованиях, культурологическом анализе происходящих изменений и категориальных основаниях для концептуализации культурной политики.

Речь идет не столько о выделении понятия «культурная политика» в качестве единицы культурологического анализа (на этом поприще успешно потрудились отечественные и зарубежные исследователи в последнее двадцатилетие), сколько об основном содержании культурной политики как категории, о выделении теоретического пласта в прикладных исследованиях, где выявляются методологические принципы отношений между культурой и политикой, решается воп-